

ПОЭТ И ГУБЕРНАТОР

Людмила БИРЮК

г. Краснодар

(Отрывок из романа

«Река времен»)

По воскресеньям у Державиных часто собирались друзья-сослуживцы, писатели, поэты и те, кто себя таковыми считал. Украшением литературных вечеров была, конечно, прекрасная Пленира – так поэт называл свою молодую жену Екатерину Яковлевну. Она пела, играла на клавесине и мастерски вырезывала из бумаги силуэты гостей... В те времена такое искусство было в большой моде.

Державин боготворил жену и, если вдруг пришло им ненадолго расстаться, страдал и томился в разлуке. Но он не замкнулся в своем семейном мирке, и темы его стихов не ограничивались одной любовью. Именно в первые годы их супружества он неожиданно для всех написал одно из самых загадочных, леденящих душу произведений – оду «На смерть князя Мещерского», в которой размышлял над хрупкостью человеческого бытия. Мещерский не был ни героем, ни великим государственным мужем, а просто милым богатым повесой, как говорится, баловнем судьбы. Никаких особенных заслуг за ним не числилось – обычный человек, умерший внезапно за столом от апоплексического удара. Неотвратимость смерти и беспомощность человека перед ней потрясли Державина. Сегодня ты полон жизни и беззаботного веселья, а завтра... тебя уже нет.

Когда он пришел на панихиду и увидел мертвого князя, с которым еще вчера веселился на дружеском застолье, строки стали рождаться сами собой:

*Где был стол яств, там гроб стоит,
Где пиршеств раздавались клики –
Надгробные там воют лики
И бледна смерть на всех глядит...*

«В природе нет ничего вечного, – думал он. – Гаснут звезды, погибают птицы, рыбы, звери... Но один лишь человек знает, что умрет. Так почему же он не пребывает в вечном ужа-

се перед смертью? Потому что Бог не дал ему ответа на главный вопрос: когда? Вот и Мещерский до последнего своего часа был счастлив и ушел, быть может, даже не успев осознать, что с ним произошло».

Друзья высоко оценили его оду, отметив её философичность, но Катя, пробежав глазами несколько строк, вдруг побледнела и отказалась дочитать до конца.

– Прости, не могу! Это очень, очень страшно!

Державин обнял ее, мысленно ругая себя за то, что испугал жену. Ведь она еще совсем девочка...

Он открывал в ней всё новые и новые достоинства, не мог на нее надыхаться. Через год он отправился с Катей в Казань к матери. Фёкла Андреевна приняла ее как дочь, обласкала нежно, а казанское общество было ею так очаровано, что не хотело отпускать обратно в Петербург.

Словом, всё было в ней восхитительно... кроме одного. Минуло несколько лет их счастливой супружеской жизни, а Катя никак не могла забеременеть. Она безмерно печалилась и уже не могла скрыть своей тревоги: терзалась мыслью, что муж ее разлюбит. И Державин, видя, как она страдает, однажды раз и навсегда развеял все ее сомнения.

– Моя маленькая Пленира! Не будем роптать на судьбу, которую Бог нам назначил. Довольно молить его о том, чего он не желает дать. Какие бы испытания не выпали нам, мы будем любить друг друга, верно?

– Да... – прошептала она, прижимаясь к его груди. – До конца жизни!

И снова стал звенеть в доме ее серебряный смех и стали устраиваться поэтические вечера с домашними спектаклями.

Державин сблизился с кружком молодых, еще не слишком известных, но чрезвычайно боевых и задиристых стихотворцев, не признающих никаких авторитетов. Это были трое неразлучных друзей – Василий Капнист, Николай Львов и Иван Хемницер. И хотя по возрасту Державин был старше всех, он чувствовал себя учеником по сравнению с образованными приятелями. Не знал он многих стихотворных премудростей, писал на слух...

Однажды друзья принесли ему журнал «Всякая всячина», издававшийся императрицей, где была напечатана ее собственная «Сказка о царевиче Хлоре». Громко, наперебой, они стали критиковать это сочинение, которое, по их мнению, никогда бы не было опубликовано, если б автором была не Екатерина Алексеевна, а кто-то другой.

Поздно вечером, проводив гостей, Державин полистал журнал и прочел сказку императрицы, написанную для своего пятилетнего внука Алекса-

ндра. Он был готов согласиться с друзьями. Сказка и впрямь показалась ему наивной, слащавой и чрезмерно назидательной. Но в то же время она натолкнула его на некую мысль... Было ясно, что под мудрой Фелицей Екатерина Алексеевна подразумевала себя. Так почему бы не принять участие в игре, предложенной сочинительницей? Она хочет быть Фелицей? Прекрасно, она будет ею!

Державин отложил журнал, взял перо и после некоторых размышлений вывел на листе бумаги несколько строк:

*Богopodobная цареvна
Киргиз-кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокоу гору,
Где роза без шипов растет.*

Державин перечитал и тихо рассмеялся. Да, именно так и будет... Он напишет оду, приняв правила игры императрицы. И пусть в его сочинении соединятся высокий и низкий стили!

Над новой одой Державин трудился вдохновенно, как одержимый. Он называл Фелицу «богopodobой» и в то же время изображал ее обычной, земной женщиной. В том-то и состоял главный секрет ее обаяния!

По мере работы Державин всё больше влюблялся в образ Фелицы, который создал в своем воображении. Разве она виновата в том, что её «мурзы» пребывают в роскоши, спят до полудня, предаются грезам о военных подвигах, рядятся в дорогие одежды, чревоугодничают на пирах, нежатся на диване в обществе прекрасных дев, разъезжают в золоченых каретах! На фоне пороков вельмож заметнее блистали достоинства Фелицы. Ода получилась лестной, но не льстивой. Не пустое славословие, а похвалу за конкретные деяния воздавал ей поэт и делал это искренне, без всякого притворства. Не только потому, что, насмотревшись на преступления пугачевщины, стал убежденным монархистом, а потому, что видел перемены в жизни России. С приходом Екатерины стало вольготнее дышать, и он был ей за это благодарен.

*Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить,
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить...*

В конце оды звучала хвала Фелице как напутствие на дальнейшее благодетельное царствование...

* * *

Он долго никому не показывал своего сочинения...

Однажды к нему пришел завсегдатай литературных гостиных, поэт, механик и архитектор Николай Львов, и Державин неожиданно для себя решился: вручил ему тетрадку с одой. Но тот, скользя глазами по строкам, бессильно откинул кудрявую голову на спинку кресла и прошептал:

– Я к тебе за советом, Романыч...

– Что с тобой? – встревоженно спросил Державин. – На тебе лица нет!

Николай был лет на десять моложе Державина и хотя любил похвастаться своим образованием, часто просил у него житейских советов.

– Я гибну... Ты ведь знаешь, что я люблю Машу...

Державин сразу понял, что речь идет об одной из дочерей обер-прокурора Сената Алексея Афанасьевича Дьякова. Старшая, Александра, вышла замуж за поэта Капниста, а Львов и Хемницер были влюблены в среднюю – Марию. Младшая из сестер, 11-летняя Даша, шпионила за всеми и урядкой строила глазки Державину, вызывая иронический смех его жены. Катя шутя называла ее «мармазеткой» – маленькой обезьянкой.

– Не печалься, Николай! Мария Алексеевна тоже тебя любит, а Хемницер при всем своем таланте тебе не соперник, сам знаешь!

Иван Хемницер, сын обрусевшего немца, был талантливым баснописцем, но в любви ему не везло: бедняга был весьма непригож собой.

– Дело не в Иване, а в отце Маши! Алексей Афанасьевич почему-то настроен против меня.

– Он тебя плохо знает!

– В том-то и дело, что уже всё узнал!

– Что именно?

Львов заметно смутился.

– Должен признаться... Мы с Машей тайно обвенчались. Тянуть нельзя было: ребеночка на Святыцы ждем... Думали сразу отцу открыться, да все откладывали, боялись. А тут вдруг мармазетка постаралась...

– Даша?

– Ну да! Маленькая паршивка подслушала наш с Машей разговор, сразу все смекнула и бегом к папеньке! Так, мол, и так: наша Маша скоро станет мамашей! С отцом чуть удар не случился.

Державин слушал с улыбкой. История Николая показалась ему готовым сюжетом для водевиля. Однако надо было спасать друга.

– Не горюй! Всё образуется. Алексей Афанасьевич – мой сослуживец и приятель. Хочешь, я поговорю с ним?

– Ох, спасибо, Гаврила Романыч! – воскликнул Львов. – Скажи ему, что я – столбовой дворянин старинного тверского рода, и состояние у меня приличное, и связи, и умом Бог не обидел!

– Скажу, скажу! Ступай уж...

Окрыленный надеждой, Львов направился было к двери, но у порога остановился.

– Ах да, забыл твою оду!

– Бог с ней, потом...

– Нет-нет, давай почитаю на досуге. Ты, Романыч, пишешь тяжело, но в твоих стихах есть что-то настоящее, честное...

Львов был ярим приверженцем принципа Аристотеля: «Подражай природе!» В стихах Державина, несмотря на некоторые их несовершенства и тяжеловесность, он чувствовал дыхание естественной жизни, пробивающееся сквозь застарелые каноны классицизма. И всегда говорил, что в их литературном кружке Державин – самый талантливый.

* * *

Через неделю, в воскресенье, Львов снова появился у друга и кинулся ему на шею:

– Романыч! Ты – волшебник!

Решив, что тот благодарит его за успешную беседу с обер-прокурором, Державин скромно ответил:

– Пустое! Господин Дьяков – разумный человек, он сразу всё понял.

– Да я не о Дьякове, а о твоей новой оде! Она бесподобна! Это прямой переворот в стихотворчестве! Я сражен!

Он упал в кресло и стал шутливо обмахиваться, словно веером, каким-то журналом. Державин молча глядел на него, не зная, что сказать. Николай вскочил и усадил его в кресло.

– Присядь, Романыч, чтоб не упасть. И полистай сие издание. Впрочем, листать не надо, начинай сразу с первой страницы.

Николай сунул ему в руки свежий номер журнала «Собеседник любителей русского слова», редактором которого была княгиня Екатерина Романовна Дашкова, ректор Петербургской академии наук.

Журнал открывался одой Державина «К Фелице»!

И пока поэт ошарашенно глядел на неожиданную публикацию своего произведения, Николай рассказал, как принес его рукопись в редакцию

«Собеседника» и как Екатерина Романовна, читая, восклицала: «Ну, мурза! Ну, черт полосатый!» А потом распорядилась немедленно сдать оду в набор и поставить ее в журнале первой. А свою собственную статью велела напечатать следом за ней.

– Ты только представь! – распаялся Львов. – О твоём творении скоро узнает вся просвещенная Россия! Быть может, в этот самый миг ее читают Херасков, Княжнин, Фонвизин и даже сама императрица...

– А также Потемкин, братья Орловы...

– Не трусь, сейчас другие времена! Побегу к Капнисту – он еще ничего не знает!

Когда Львов убежал, Державин долго сидел в кресле, размышляя и перечитывая свою так неожиданно вышедшую в свет оду. Николай, конечно, шельма, что напечатал «Фелицу» без его ведома. Но всё-таки приятно... Вряд ли у самого автора хватило бы духу отнести свои стихи в «Собеседник» – самый известный журнал Петербурга.

Он перевернул несколько пахнувших типографской краской страниц и увидел статью Дашковой. Она называлась: «Послание слову «ТАК» и была написана прозой и стихами. Взгляд Державина задержался на строчках:

*Лишь скажет кто из бар: «Учение есть вредно,
Невежество одно полезно и безвредно».
Тут все поклонятся – и умный и дурак –
И скажут не стыдятся: «Конечно, сударь, так!»*

Державин усмехнулся, невольно отметив слабую рифму: «вредно-безвредно». Ну, а в целом недурно... Эх, будь что будет! Николай прав: чего ему бояться? Не те нынче времена, чтобы за вольнодумство тащить поэтов на правез.

* * *

Шел день за днем... Державин ждал хоть какого-то отклика на свою оду, но кроме торжественных поздравлений Львова, Капниста и Хемницера ничего не получил. Молчал Херасков, молчали Фонвизин, Богданович, Княжнин... Молчали и его сослуживцы в Сенате. Более того, вместо славы на Державина неожиданно обрушилась большая неприятность. В департаменте государственных доходов, где он служил, обнаружилось сокрытие крупной денежной суммы. Державин, имея опыт агента Следственной комиссии, сам провел расследование и вывел

одного из чиновников на чистую воду, после чего доложил о происшествии генерал-прокурору Вяземскому. Но тот вместо благодарности схватился за голову: виновник приходился ему родным племянником и, как позже открылось, не раз совершал подобные преступления.

– Что вас подвигло лезть не в свое дело? – простонал Вяземский.

– Дело, о котором вы изволите говорить, Александр Алексеевич, входит в круг моих обязанностей!

– Вы понимаете, что ваше разоблачение ставит пятно на Сенат?

– Пятно поставил не я, а тот, кто совершил подлог.

Князь метнул на него яростный взгляд. Ишь ты! На всё есть ответ! Морщины на его бугристом лбу волнообразно зашевелились, выдавая работу мысли. Усилием воли он заставил себя успокоиться и даже соорудить что-то вроде улыбки.

– Чего уж теперь искать виноватого... Следует думать, как выйти из положения! – он помедлил с минуту и неожиданно предложил: – Нам, Гаврила Романыч, надобно обсудить сей вопрос вечером, за чашкой чая. Окажите честь визитом! Поужинаем, заодно и потолкуем.

Вечером Державин отправился к Вяземскому. Князь был воплощением любезности и за рюмкой вишневой наливочки пытался склонить Державина на свою сторону, обещая покровительство и повышение в чине.

– Зачем ходить вокруг да около? Заберите свой рапорт и через неделю получите новый чин! Недостачу покрою сам. И бумаги выправлю!

Наливка Державину понравилась, а предложение – нет.

– Не могу, ваше превосходительство... Мне отец, умирая, сказал: «На небе – Бог, а на земле – закон».

– Да законы-то люди пишут!

– По божьему наущению. Тому пример – «Наказ» нашей государыни императрицы.

Спорили они долго, но так ни к чему и не пришли. Под конец усталый и мрачно-пьяный генерал-прокурор обещал превратить службу Державина в такой ад, что тот сам запросит отставку. Как раз в эту минуту вошел слуга и объявил, что к господину Державину явился курьер.

– А почто курьер ищет его в моем доме? – вспылал князь.

– Помилуйте, ваше сиятельство! Посыльный искал господина Державина на его квартире, но там ему сказали, что он к вам поехал...

– Ладно, зови!

Вошел гвардеец и, лихо щелкнув каблуками, громоподобно провозгласил:

– Милостивые государи, имею поручение к мурзе Державину!

На несколько мгновений воцарилось молчание. Опомнившись, Державин шагнул вперед:

– С чем пришел, братец?

– Приказано вручить пакет, ваша милость! – доложил бравый курьер, протягивая запечатанный сверток.

Рука Державина дрогнула: пакет неожиданно оказался тяжел. В тот же миг гвардеец воскликнул: «Честь имею!», развернулся по артикулу кругом через левое плечо и удалился строевым шагом.

Князь вытер пот со лба батистовым платком.

– Ч-что всё это значит?

Державин прочел надпись на пакете:

– «Из Оренбурга, от киргизской царевны мурзе Державину».

Сердце застучало дробью: прочла! Откликнулась! Даже пошутила!

Всего лишь на миг он закрыл глаза... И, будто наяву, снова привиделась ему мятежная Дворцовая площадь и прекрасная дама в гвардейской треуголке вновь пронеслась мимо него на белом коне, одарив лучезарной улыбкой... Видение пропало так же быстро, как и появилось. А рядом бубнил Вяземский:

– Ничего не понимаю! Что за царевна? Почему из Оренбурга? Уж не взятка ли это, святой вы наш...

Державин вскрыл пакет. Казалось, тысяча солнц разом вспыхнули и заиграли разноцветными огнями! В пакете оказалась золотая табакерка, усыпанная бриллиантами. Драгоценные камни сверкали и переливались, составляя причудливый узор.

– Боже мой, – простонал Вяземский. – Какая роскошь! А что внутри? Только осторожнее... Вот кнопочка.

Внутри табакерки находились пятьсот золотых империалов!

– Да-а... – еле выдохнул генерал-прокурор. – Подарок с выдумкой и тонким вкусом, как и подobaет императрице.

– Почему вы думаете, что это от нее?

– Ужасно трудно догадаться! Взгляните на вензель! – князь указал на затейливую букву «Е» в бриллиантовых завитушках. – Но чем вы заслужили сию неслыханную милость? И почему ее величество называет вас мурзой?

Пришлось Державину рассказать о «Фелице».

– Государыня изволила пошутить со мной, – пояснил он.

– Ничего себе шуточки... А как вам удалось сочинить оду? Вы – поэт?

– Кажется, сегодня я поверил в это.

Несколько мгновений генерал-прокурор молча хлопал рыжеватыми ресницами, потом, словно очнувшись, расплылся в лъстивой улыбке.

– Поздравляю, Гавриил Романович, и горю желанием поскорее прочитать ваше творение! Обожаю стихи!

– Об этом я наслышан... А как с делом о подлоге?

Вяземский с жаром воскликнул:

– Выгоню подлеца! С позором! Не посмотрю, что родственник!

* * *

Откушав кофию, Екатерина Алексеевна поставила саксонскую чашечку на серебряный поднос и снова раскрыла альманах на первой странице. Сколько она ни перечитывала державинскую оду о Фелице, всё не могла вдоволь насладиться. И не потому, что комплименты автора так поразили ее. Слышала она и более громкие дифирамбы в свою честь. Но те шли не от сердца и потому не трогали. Впервые поэт изобразил свою императрицу живой женщиной, прекрасной, доброй и простой, радеющей о пользе Отечества, но в чем-то слабой и обманутой своими лукавыми царедворцами. «Откуда он так хорошо знает меня и моих вельмож? Верно, господь надоумил...» – думала она, невольно останавливая взор то на одной, то на другой строчке. Раньше она любила только прозу и мало интересовалась стихами, считая сам способ выражения мысли в рифму неестественным. Но «Фелица» растрогала ее душу. «Читаю и плачу как дура», – призналась она княгине Дашковой, которая однажды спросила, понравилась ли ей ода Державина.

Она не только пролиwała слезы умиления, но и рассыпала книжки альманаха своим министрам и фаворитам, пороки которых высмеял поэт, и собственноручно подчеркивала касающиеся их строки. Особенно удачным, по ее мнению, получился Григорий Потемкин:

*А я, прославши до полудни,
Курю табак и кофе пью,
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:*

*То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю,
То, возомнив, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом...*

Вельможи хоть и злились, но не осмеливались мстить дерзкому стихотворцу. Он словно получил индульгенцию из рук самой государыни и отныне был защищен от всех посягательств.

Опомнились и знаменитые поэты России. Херасков из Москвы прислал Державину письмо с поздравлением. Гаврилу Романыча стали приглашать в известные литературные гостиные, куда ему доселе был доступ закрыт. Вместе с ним высшее поэтическое общество стали посещать и его молодые друзья: Капнист, Львов и Хемницер.

Николай и Мария Львовы недавно сыграли свадьбу. А влюбленный в Машу Хемницер, самый молодой и впечатлительный из их компании, хотел было застрелиться, но передумал, после того как «Собеседник» опубликовал его первые басни. Успех был оглушительный! Говорили, что в этом роде поэзии он превзошел самого Сумарокова.

Но ничья слава не могла затмить славу Державина... Императрица приняла его во дворце и около часа расспрашивала о житье-бытье. А потом частенько присылала ему приглашения то на спектакль, то в маскарад, то на званый ужин. Державин обожал ее и считал идеальной правительницей. Все безобразия, творившиеся в России, он относил к ее недругам – бесчестным вельможам и алчным сановникам. А она была добра, прекрасна и не ведала, что ее бесстыдно обманывают те, кому она доверилась. Словом, поэт пожинал плоды своей славы и пребывал в некоем сладком сне.

Между тем злоупотребления в Сенате не прекращались, и Державин, уверенный в своей правоте и торжестве закона, снова принялся писать рапорты Вяземскому. Тот терпел сколько мог, а потом взорвался и выполнил свою давнюю угрозу «превратить его жизнь в ад». Для этого он воспользовался помощью подчиненных. Многие сослуживцы Державина, ранее благоволившие к нему, теперь втайне завидовали его успехам. В глаза говорили комплименты, а сами выискивали в его работе нечаянные промахи и даже подло подставляли, сообщая неверные цифры в деловых бумагах.

Все кончилось тем, что Державин был вынужден уйти из Сената. К тому времени он был уже в чине статского советника, и его назначили губернатором в захолустную Олонецкую область, хотя

в те дни освободилась должность губернатора в его родной Казани. Ему бы похлопотать о себе, обратиться с прошением к государыне, а он...

* * *

Случилось так, что как раз в ту пору на Державина вдруг снизошло вдохновение и, позабыв о служебных неурядицах, поэт очертя голову бросился в его объятия.

Эта тема волновала его всегда... Как появился мир – земля, звезды, люди? Кто их творец? Благообразный старец на облаке или некий непостижимый высший разум? И для чего рожден человек?

Однажды в канун Христова Воскресенья он стоял всю ночь в храме и вдруг почувствовал в глазах блики света. Кто-то неведомый, добрый и великий посылал ему знак... Вернувшись домой, долго не мог успокоиться. Слова теснились в голове, и он, движимый внезапным порывом, написал на листе бумаги:

*О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц в Трех Лицах Божества...*

Но после нескольких строк работа застопорилась. Не хватало ему идеи, без которой ода не жила своей жизнью, а была лишь повторением словословий Создателю, многократно расточаемых в стихах других поэтов.

Державин думал, думал непрестанно... и через несколько дней почувствовал, что нашел то, что искал. Сам ли понял или кто-то нашептал ему, но с той поры он потерял покой и сон. Сочинял то легко, с наслаждением, то с тяжким трудом пробивался сквозь тернии, то душою уходил ввысь, то падал в бездну. Житейская суета мешала ему, и в один прекрасный день он вдруг собрал бумаги и объявил жене, что едет в Белоруссию поглядеть на свои деревеньки, выкупленные из-под залога.

– Я с тобой! – воскликнула Катя, с тревогой заметив лихорадочный блеск в его глазах.

Он ласково провел рукой по ее упругой щеке. Поцеловал пухлые вишневые губы, чувствуя, как нежность волной подкатывает к сердцу. Но сдержался.

– Нет, Пленира... Мне надобно ехать одному. Не скучай, я скоро.

Весна еще не вполне вступила в свои права, дороги едва подсохли. Державин доскакал до

окраины Нарвы и, не въезжая в город, попросился на постой к старухе немке. Та поначалу колебалась, с тревогой глядя на незнакомца. Но его обаятельная улыбка и безупречный немецкий смягчили сердце старой фрау. Она лишь растерянно сказала, что может сдать одну комнату, и то небольшую.

– Не беда, – кивнул Державин, – лишь бы меня никто не беспокоил.

По лицу старухи снова пробежал испуг.

– Вы не алхимик?

– Что-то в этом роде, – пошутил он. – Я – поэт.

Пытаюсь добывать золото из слов.

Она усмехнулась и пригласила его в дом.

Фрау Луиза Бергер, бывшая гувернантка, жила одна на крошечное пособие, которое присылал ей из Петербурга сын, чиновник средней руки. Бедный, но чистый ее домишко пришелся Державину по душе, и он прожил в нем почти три недели. Старушка стряпала ему нехитрую еду и старалась не отвлекать разговорами. Да и квартирант оказался на редкость тихим. Целыми днями сидел, согнувшись за столом, лишь изредка до ушей фрау Бергер доносились его мерные шаги и взволнованный голос, читавший нараспев русские стихи.

Мысль, пришедшая к нему и погнавшая в дорогу, состояла в том, что сотворивший вселенную Бог, в которого он истово верил, каким-то непостижимым образом связан с ним самим. Он вдруг понял, что и в нем, и в каждом человеке живет малая капелька Бога. И как бы ни был велик Бог, а он «перед ним – ничто», но вместе они – единое целое.

Теперь он не сомневался в том, что Бог, создав человека, передал ему часть своей божественной сути. Слишком уж человек отличается от других созданий природы. Во всем мире только он один осознает свое «я», во всё пытается проникнуть, исследовать, познать. Его руками преобразуется природа. Человек задуман Творцом как связующее звено между Ним и остальным миром.

*Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества.
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я бог!*

Державин чувствовал полное изнеможение. Погасив свечи, он как подкошенный упал на кровать. В том, что он создал лучшее свое сочине-

ние, сомнений не было. Ощущение абсолютного счастья переполняло его душу... Вскоре он заснул, а под утро привиделся ему сон, будто в глазах его снова блистает чудесный лучезарный свет. Он тотчас проснулся и увидел, что по стенам действительно бегают яркие блики света.

Державин поднялся с кровати, сел за стол и задумался, подперев подбородок руками. Слезы умиления текли из его глаз. Практически без помарок и исправлений поэт дописал заключительную строфу, в которой благодарил Бога за свет и мудрость, которые Он ему даровал...

* * *

На следующее утро Державин, щедро расплатившись с фрау Бергер, нанял в Нарве экипаж и пустился в обратный путь.

Своё произведение он отнес княгине Дашковой в журнал «Собеседник любителей российского слова». Екатерина Романовна встретила Державина с искренней радостью. Благодаря его «Фелице» тиражи журнала выросли вдвое. Она ожидала, что и новые его стихи будут написаны в том же духе: легко, изящно, остроумно. Но с первых же строк княгиня поняла, что это серьезная философская ода, без скидок на вкусы и умственные способности читателей. Склонившись над рукописью, она читала медленно и сосредоточенно, вся погрузившись в непростой смысл произведения. А Державин стоял оподаль и глядел на нее, замирая от нетерпеливого ожидания. Наконец Екатерина Романовна подняла голову, и он увидел ее большие умные глаза, светящиеся неподдельным восторгом. Но пауза длилась слишком долго, казалось, княгиня не находила слов, и он не выдержал:

– Так что же, ваше сиятельство? Подойдут ли мои стихи для журнала?

– Друг мой... – промолвила наконец Дашкова. – Какая глубина! Какая мощь и страстность! Никогда не встречала ничего подобного! Вы написали оду Богу, но возвысили человека! И всё же... кое-что мне непонятно. Например, ваше толкование Троицы...

– То, что церковь называет триединством, я понимаю как три единства метафизические, которые Бог совмещает в себе: бесконечность пространства, непрерывное течение времени и бессмертная жизнь.

Дашкова взглянула на него пристально, чуть сдвинув брови. Спросила осторожно:

– А вы случайно не пантеист?

Поэт отрицательно покачал головой и пошутил:
– «Един есть бог, един Державин!»

Но Дашкова озабоченно потерла ладонью высокий лоб.

– Ваше признание многих живых миров во Вселенной, прямое уравнивание человека и Бога... Всё это необычно и сопряжено с некоторым риском для нашего журнала. Как бы не вышло у нас разногласий с церковью...

Державин понял это как отказ. Молча взял со стола свою рукопись и свернул в трубку. Но Дашкова, опомнившись, остановила его:

– Нет-нет, оставьте! Ваша ода будет напечатана в моем журнале! Если у кого-то возникнут вопросы, я найду как ответить... И вот еще что... Приглашаю вас, Гаврила Романыч, принять участие в издании первого Словаря Академии Российской... Слышали о таком?

– Ваша светлость! Но... у меня нет профессорского звания! – вспыхнул от неожиданности Державин.

– Профессоров у нас достаточно, – улыбнулась княгиня. – Уже набрана редакция из сорока семи ученых мужей. А вот талантливые поэты – бесценная редкость. Не смущайтесь! Мы будем обращаться к вам за советом по мере надобности. Согласны?

– Это великая честь!

* * *

Ода «Бог» вышла в следующем номере «Собеседника» и имела оглушительный успех. Таким искренним, чистым и страстным было это произведение, и так напоминало оно из глубины души идущую молитву, что церковь простила Державину некоторые вольные теологические толкования. А что касается читателей, то они буквально взорвались восторгом! Отныне за Державиным прочно закрепилась слава первого поэта России. Многие стихотворцы, подражая ему, стали писать о Боге. Но в сравнении с его творением их вирши казались жалкой поделкой. Императрица тоже весьма благосклонно отзывалась о его новой оде, хотя золотой табакерки на этот раз он не получил.

В те дни государыне было не до стихов: 8 апреля 1783 года Крым стал частью Российской империи! Основная заслуга в этом принадлежала ее фавориту Григорию Потемкину и последнему крымскому хану Шахин-Гирею, который видел в союзе с Россией благо для своей страны. Судьба хана сложится трагично... Через четыре года Ша-

хин-Гирей опрометчиво отправится к своим единоверцам в Османскую империю, где его казнят по приказу султана. Но это будет потом... А ныне Россия ликовала! В честь присоединения Крыма, Тамани и Кубани Екатерина Алексеевна велела выбить памятную медаль, выкатить на площади бочки с вином и веселиться всем миром!

* * *

Державины тоже устроили пикник в тенистых рощах Царского Села. Среди гостей были супруги Капнисты и Львовы, «мармазетка» Даша Дьякова и молодой неуклюжий баснописец Ваня Хемницер, всё еще тайно влюбленный в жену Львова, Марию. В последнее время Иван выглядел усталым и сильно исхудал – вероятно, от любви.

Искрилось в бокалах молодое вино, и звучали стихи; играли в фанты и в пятнашки. Державину завязали глаза и назначили «водить». После нескольких попыток ему удалось поймать одну из дам. Он держал ее за талию и делал вид, что пытается угадать, кто это. На самом деле по знакомому запаху цветочных духов он сразу понял, что это Катя. Решив пошутить, он нагнулся и поцеловал ее прямо в губы. Все охнули. Повязка была сброшена, и он в замешательстве увидел перед собой младшую из сестер Дьяковых – Дашу. Хитрая девчонка надушилась теми же духами, что и его жена.

– Виноват, барышня, – пробормотал Державин.

– Просите прощения у своей Пленеры! – хихикнула она и ускакала на одной ножке, шурша накрахмаленными кружевами белых панталончиков, кокетливо выглядывающих из-под платья.

Обескураженный Державин оглянулся на Катю, но та как ни в чем не бывало смеялась вместе со всеми и, казалось, не придавала значения его маленькой оплошности.

Пикник продолжался, но теперь Державин не отпускал от себя жену, крепко держа ее за руку. В самый разгар веселья, когда они уже готовы были стремглав пуститься «в горелки», из Петербурга прискакал верховой – слуга Державина.

– Что случилось, Петруша? – голос поэта почему-то дрогнул. Тягостное предчувствие сжало сердце ледяным обручем.

– Письмо, ваша милость.

– Откуда?

– Из Казани.

Лицо Державина смертельно побледнело.

– Ганя! Что с тобой?! – кинулась к нему жена.

– Вскрой сама... Я не могу...

Он молча передал ей письмо. Предчувствие не обмануло его. В учтивых выражениях казанский градоначальник извещал о кончине его матушки, Фёклы Андреевны Державиной...

* * *

На другой день он отправился с женой в Казань, чтобы оплакать мать на ее могиле. Чувство вины не отпускало его. Почему не поехал раньше? Ведь знал, что мать болеет! Но работа над одой захватила его настолько, что он забыл обо всём...

Смерть словно ходила за ним по пятам. Еще одно горе постигло его в те дни. Умер Ваня Хемницер, самый молодой и скромный из их литературного кружка. Романтичный, смешной рыцарь Маши Дьяковой – жены Николая Львова... «Он был лучшим из нас, – с горечью говорил Державин Кате, – а мы шутили над ним, над его чувствами. Никто не принимал его всерьез!»

Вернувшись в Петербург, Гавриил Романович тут же стал готовиться к отъезду в Карелию.

Олонецкая и Архангельская губернии в то время составляли наместничество генерал-губернатора Тимофея Ивановича Тутолмина. Державину была доверена Олонецкая губерния, а Архангельскую возглавлял отставной полковник Ливен. Губернаторы подчинялись генерал-губернатору, а тот в свою очередь – петербургскому Сенату. Казалось, всё просто и понятно. Но, прибыв к месту назначения в город Петрозаводск с женой и домашним скарбом, Державин понял, что служить под началом Тутолмина ему будет нелегко. Дело было не только в непомерном гоноре начальника, окружившего себя безмерной роскошью, а в диком беззаконии, царившем в Петрозаводске и его окрестностях. Губерния была истощена беспрестанным взяточничеством и воровством, и наш «мурза» с татарским напором ринулся исправлять местные нравы. Он и до этого был прямолинеен и горяч, а на новой службе и вообще перестал себя сдерживать, грубил и ругался с чиновниками и даже с самим Тутолминым. Неудивительно, что все его начинания заканчивались скандалами. Олонецкие казнокрады и их высокие начальники ненавидели нового губернатора и писали на него доносы в Петербург. А он не отставал и тоже посылал в Сенат рапорт за рапортом. Многим чиновникам приходилось увольняться с насиженных мест.

– Послушайте, Гаврила Романыч, – выговаривал ему Тутолмин, – этак вы распугаете всех мо-

их подчиненных! С кем же мне прикажете служить, коли все разбегутся?

– Со мной, ваше превосходительство! – разводил руками Державин. – Я-то куда не денусь, покуда не наведу тут порядок.

– Нет уж, милостивый государь! Впредь извольте обо всех неурядицах докладывать лично мне и делать то, что я прикажу.

Выполнять приказы самодура Тутолмина было непросто из-за их полной бессмысленности. Однажды Державин решил замостить в Петрозаводске дороги, но наместник запретил ему самоуправство и велел... озеленять город, и без того утопающий в зелени.

Дивная карельская природа – единственное, что спасало Державина от хандры. Когда он объезжал свою губернию, сердце его наполнялось восторгом. Порой, захватив с собой одного из верных ему чиновников, Александра Грибовского, Державин на лодке путешествовал по прозрачным рекам и озерам. Катя занималась домашним хозяйством, наводила порядок в мрачном приватном приземистом губернаторском доме, затеяла цветочные клумбы во дворе.

Однажды Грибовский пришел в гости к Державиным, да не один...

– Ой, кто это?! – с умилением воскликнула Катя.

Чиновник вытащил из шапки крошечного медвежонка, не больше месяца от роду. Глазки у него еще не вполне открылись, шерстка была редкой и нежной.

– Мать бросила, – объяснил Грибовский. – Видно, молоко пропало, пошла еду добывать, да где-то сгинула. Там в берлоге еще один был, да сдох, бедняга...

– И этому тоже не выжить, – с сожалением сказал Державин. – Уж больно мал. Ему мать нужна.

Катя осторожно взяла звереныша на руки.

– Как это – «не выжить»?! А мы-то на что? Козьим молоком попробуем выкормить! Давай возьмем его, а, Ганечка?

Она ласково гладила дрожащее тельце, прижимала к груди, пытаясь согреть, и умоляюще глядела на мужа.

– Ладно, оставим его, если хочешь, – сдался Державин. – Только хлопот с ним не оберешься...

– Я справлюсь, – благодарно улыбнулась Катя, а из глаз почему-то скатились две крупные слезы.

И начались хлопоты! Бутылочки для молока и для воды, соски, одеяльца, грелки, «каки-писи», купания в корытце... Наверное, и медведица не смогла бы так заботиться о своем детеныше, как ухаживала за ним Катерина.

На любой писк медвежонка она вскакивала

ночью и трепетно спешила к его коробке-лежанке, высланной теплым шерстяным одеяльцем. Назвала она его просто, без затей – Мишутка. И вскоре зверек стал бегать по комнате, играть, ластиться к людям и отзываться на свое имя.

Прошло несколько месяцев. Мишутка подрос, бурая шерсть стала густой, когти острыми. Стало трудно держать его в доме: он погрыз всю мебель и вообще шалил не по-детски. Грибовский устроил ему просторный вольер в саду с лесенками и игрушками, сколотил уютный домик. Там Мишутка и жил.

Однажды мимо губернаторского дома проходил заседатель Земского суда Молчин, которому не раз доставалось от Державина за пьянство и разгильдяйство. Он увидел Мишутку, который мирно разгуливал возле дома. У звереныша, как оказалось, имелся секретный лаз на улицу, который он подкопал под забором.

– Что, Миша? Несладко тебе живется? – посочувствовал Молчин. – Калачика хочешь?

Отломив кусок свежего хлеба, Молчин стал приманивать медвежонка, приговаривая:

– Пойдем со мной!

И ручной Мишутка доверчиво пошел за человеком. Через час, хватившись своего любимца, Катя заголосила, подняв на ноги всю улицу. Кто-то видел, как Молчин повел зверя прямо в здание Земского суда. Она побежала в суд, стала спрашивать Молчина, но тот отнекивался, и никто из чиновников не смог или не захотел рассказать ей, что произошло. Напрасно Катя требовала председателя, коим являлся старший сын Тутолмина. Всё семейство генерал-губернатора пребывало в Петербурге.

Трудно передать горе Кати... Ведь Мишутка был для нее больше чем домашний питомец. Сама того не сознавая, она изливала на него всю нежность и любовь несостоявшегося материнства.

Узнав о происшествии, Державин энергично принялся за расследование. Он выяснил, что судебные заседатели сначала забавлялись с медвежонком, но вскоре он им надоел и они прогнали его палкой. А потом мальчишки с гиканьем и свистом гнали его по улице до самого леса.

Державин, как мог, утешал жену. Носил на руках, целовал, пытался чем-то отвлечь. Ничего не помогало. К вечеру у нее начался жар. Державин не отходил от нее, обещал купить нового медвежонка, но она тяжело вздыхала и говорила: «Другого не надо...»

Через месяц в Петрозаводск вернулось семейство Тутолминых, и Державин был вызван в резиденцию генерал-губернатора.

– Что же вы творите, Гаврила Романыч? – еле сдерживая гнев, вопрошал Тутолмин. – Медведя хотели определить председателем суда вместо моего сына? Почитайте, что о вас пишут чиновники!

Весь его стол был завален жалобами. Державин взял одну из бумаг, прочел и невольно рассмеялся. В рапорте говорилось, что в отсутствие Тутолминых губернатор назначил председателем Земского суда бурого медведя, посадил его в председательское кресло и дал пачку деловых бумаг на подпись. Медведь макал свою когтистую лапу в чернильницу и подписывал бумаги.

– Чему вы смеетесь? Издеваться вздумали?! – бушевал генерал-губернатор. – Намекаете, что мой сын не способен разобраться в делах?! Или считаете, что медведь более него в грамоте силен?!

Державину с трудом удалось сдержать смех: Тутолмин-младший и впрямь делал в документах чудовищные ошибки. Происшествие он воспринимал, как забавный анекдот и удивлялся, до какой нелепости могут дойти люди в своей лжи и клевете. Но всё оказалось не так уж смешно. Генерал-губернатор написал в Петербург жалобу, изобразив в мрачных красках случай с медведем, и добавил от себя характеристику Державина как неуживчивого и не способного к делам чиновника.

В Сенате над письмом посмеялись. Всем было известно, что за год службы Державин открыл в Петрозаводске больницу, замостил дороги, установил таможенную на границе с Лапландией, искоренил дикий обычай самосожжения среди раскольников, навел порядок в казне... И это была лишь малая толика того, что он собирался, но не успел сделать. Его благие начинания захлебнулись в бесконечных тяжбах и ссорах с чиновниками.

Сенаторы всё отлично понимали, но... видя категорическое нежелание влиятельного наместника Тутолмина терпеть возле себя строптивного губернатора, были вынуждены известить императрицу о неподобающем поведении Державина. Та, недолго думая, предложила ему подать прошение об отставке.

Через месяц супруги выехали в Петербург. Стояла ранняя осень, было тепло, они ехали в открытом экипаже, меж хвойных лесов и голубых озер, красотой своей навеки покоровивших сердце поэта.

– Ганя, гляди! – вдруг воскликнула Катя, оторвав его от невеселых мыслей.

Он вздрогнул. Неподалеку от дороги, на берегу озера среди молодых стройных елей стоял небольшой бурый медведь и пристально глядел

на их коляску. Привстав с сиденья, Катя стала махать ему рукой:

– Мишутка! Мишутка!

– Ну что ты... Это не он, – возразил Державин.

– Откуда ему взяться? Мы не меньше тридцати верст проехали!

– Это он! Я знаю, чувствую... Ох, Ганя, вели кучеру остановиться!

Но лошади, почуяв зверя, понеслись еще быстрее. Державин обнял плачущую жену.

– Сядь, Пленира, и успокойся. Пойми, мы не можем взять Мишутку в Петербург. Куда мы его денем? А здесь его дом... В лесу он сам – губернатор!

Отведя его руки, Катя вновь обернулась и молча, безнадежно, в последний раз глядела на Мишутку. А тот, словно прощаясь, поднялся на задние лапы и стоял так, пока их экипаж не скрылся из виду...

* * *

Прибыв в Петербург, Державин явился в Сенат и узнал, что ему надлежит тотчас ехать в Царское Село к императрице.

Через несколько часов, усталый, не зная, чего ждать – милости или опалы, он шел мимо зеркальных прудов и античных скульптур по аллее Екатерининского парка. Государыня приняла его в Китайском павильоне, и разговор шел под

щебетание восточных птиц, свободно порхающих с ветки на ветку цветущей лианы.

– Ну что, Гаврила Романыч? Не получился из вас дрессировщик? – усмехнулась Екатерина, протягивая ему руку для поцелуя.

– Не получился, ваше императорское величество, – вздохнул Державин.

– Не беда, подберу для вас новую должность.

Поэт отважился на просьбу:

– Государыня, я слышал, что в Казани еще не утвержден губернатор. На этой земле я родился, вырос, освобождал ее от Пугачева...

Он замолчал, увидев, как легкое облачко пробежало по лицу Екатерины Алексеевны.

– Друг мой, губернаторские должности – не игральные карты, чтобы их тасовать как вам вздумается. В Казань мы найдем кого поставить. А вас, Гаврила Романыч, назначаю тамбовским губернатором. Коль покажете себя с лучшей стороны – тогда и поговорим. Ступайте служить, голубчик. Да между делом не забывайте о стихах!

Державин молча поклонился...

Людмила Дмитриевна БИРЮК

родилась в Ростове-на-Дону в 1946 году.

Ныне живет в Краснодаре.

*Окончила Краснодарский педагогический институт,
факультет «Русский язык и литература».*

Прозаик,

член СП России с 2004 года.

Пишет исторические и историко-приключенческие романы.

Три из них напечатаны в Москве

в издательстве «Вече»: «Бретёр и дуэлянт» (2010 г.),

«Созвездие капитана Измайлова» (2011),

«Карнавал обреченных» (2014 г.).

Новый роман «Река времен» не издавался.

В журнале «Север» публикуется впервые.

